

РОЛЬ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ООН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ДАНИИ В 1990-Е ГОДЫ: ОТ ОБРАЗЦОВОГО МИРОТВОРЦА К ЖЕСТКОМУ АТЛАНТИСТУ

© БЕЛУХИН Н.Е., 2021

БЕЛУХИН Никита Евгеньевич, аспирант, младший научный сотрудник сектора региональных проблем и конфликтов отдела европейских политических исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (belukhin.n.e@my.mgimo.ru), ORCID:0000-0001-7505-2356.

Белухин Н.Е. Роль миротворческих операций ООН во внешней политике Дании в 1990-е годы: от образцового миротворца к жесткому атлантисту. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2021, № 3, сс. 41-50. DOI: 10.20542/afij-2021-3-41-50

DOI: 10.20542/afij-2021-3-41-50

УДК: 327(73)

Статья поступила в редакцию 27.08.2021.

Статья принята редакцией 29.09.2021.

В период холодной войны Дания успешно использовала миротворческие операции для повышения собственного международного статуса и одновременного укрепления отношений с ключевыми западными союзниками. Североевропейская модель миротворческой деятельности позднее стала образцом, к которому обратились другие европейские государства в 1990-е годы. Однако успех в области миротворчества сменился возросшим скептицизмом в отношении способности структур ООН обеспечивать эффективное конфликтное урегулирование в новых условиях. В этот же период Дания сделала, руководствуясь интересами повышения своего статуса в НАТО, выбор в пользу непреложного следования в фарватере американской внешней политики даже в условиях, когда эта политика противоречила изначальным основам успешной миротворческой деятельности Дании во время холодной войны.

Ключевые слова: ООН, ОБСЕ, Дания, СССР, США, миротворческие операции, НАТО, Сребреница, Косово, югославский кризис, атлантизм, стратегическая культура.

Общие вопросы трансформации внешней политики Дании после исчезновения биполярной системы международных отношений занимают существенное место в датской исследовательской литературе. Устойчивый интерес не только исследователей-международников, но и политической элиты к изменениям во внешнеполитическом курсе Дании на рубеже 1990–2000 гг. подтверждается и учреждением исторической комиссии по расследованию подробностей участия этой страны в международных операциях в Косово, Ираке и Афганистане, которая работала в 2016–2019 гг.¹ В то же время среди датских исследователей отсутствует единое понимание причин отхода Дании от миротворческой деятельности в рамках ООН, как нет и общего мнения относительно стратегического выбора страны в пользу сотрудничества с США, которого она продолжает придерживаться.

Известный датский специалист по исследуемой теме, профессор Орхусского университета Николай Петерсен находит корни изменения внешнеполитического курса в сочетании как ценностных и идеалистических факторов, так и оценки возможных

¹ Подробнее см.: *Offentliggørelse af den historiske udredning om Danmarks militære engagement i Kosovo, Afghanistan og Irak*. Udenrigsministeriet. 05.02.2019. Available at: <https://um.dk/da/udenrigspolitik/udenrigspolitiske-nyheder/newsdis-playpage/?newsid=37897878-45a0-4b1e-89ff-864c6cbabffc> (accessed 16.04.2021).

политических выгод. По его мнению, на протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов существовали четыре основных фактора трансформации внешней политики государства: совпадение ориентиров и подходов администрации Буша и правительства премьер-министра Андерса Фога Расмуссена к мировому порядку; личный взгляд датского премьер-министра, в соответствии с которым Дания должна отдать долг США за те гарантии безопасности, которые они предоставляли во время холодной войны; стремление Дании сохранить вовлеченность Соединенных Штатов в архитектуру европейской безопасности, а также способствовать тому, чтобы мировой гегемон, насколько это возможно, действовал в рамках международных многосторонних институтов, в первую очередь ООН [1].

Другие исследователи, к примеру, Петер Вигго Якобсен, считают, что мотивы политики Дании следуют искать в сфере сугубо национальных интересов и утилитарных соображений датского руководства. Согласно позиции Якобсена, участие вооруженных сил Дании в международных операциях объяснялось необходимостью поддержать те ключевые организации и страны, которые обращались к ней с запросами, так как национальная безопасность Дании, в свою очередь, зависит от возможности этих стран и организаций предоставить необходимые гарантии [2]. Большинство исследователей, однако, сходятся в том, что период 1990-х годов оказал решающее влияние на формирование доктрины “сверх- или суператлантизма” А.Ф. Расмуссена [3] и стал своеобразным прологом к так называемому ближневосточному десятилетию датской внешней политики (2001–2011 гг.), в течение которого Дания приняла участие в коалиционных операциях и операциях НАТО в Ираке, Афганистане и Ливии [4]. В этом свете исторический обзор эволюции роли миротворческих операций и миссий ООН во внешней политике Дании во время холодной войны, и особенно в период 1990-х годов, в рамках югославского кризиса, представляется необходимым для отражений изменений, произошедших в стратегической культуре страны и способствовавших переориентации на структуры НАТО и коалиционные операции под эгидой США. Ключевыми методами в статье, исходя из поставленной задачи, будут выступать историко-генетический и историко-сравнительный.

С момента создания Организации Объединенных Наций и проведения первых миротворческих операций Дания активно включилась в деятельность организации. Датские военнослужащие участвовали в первых миссиях военных наблюдателей ООН в Палестине (в составе Органа Организации Объединенных Наций по наблюдению за выполнением условий перемирия – ОНВУП) в 1948 г. и Кашмире (в рамках Группы военных наблюдателей Организации Объединенных Наций в Индии и Пакистане – ГВНООНИП) в 1949 г. Позднее Дания также отправила офицера для командного состава ОНВУП в 1953 г., а батальон датских военнослужащих принял участие в первой операции ООН по поддержанию мира (Чрезвычайные вооруженные силы Организации Объединенных Наций – ЧВС ООН I) в 1956 г. в связи с Суэцким кризисом. В первые два десятилетия существования ООН первостепенной для Копенгагена выступала задача избежать вовлечения страны в конфронтацию между Западом и Востоком. Эта установка нашла выражение, среди прочего, в том, что Дания отказалась предоставить вооруженные контингенты для участия в Корейской войне, начавшейся в июне 1950 г., ограничившись отправкой судна-госпиталя “Ютландия”, поскольку Советский Союз выступал против операции². Она даже отказалась от места непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 1948 г., опасаясь, что это может повлечь за собой необходимость занять сторону США или Советского Союза [5]. Когда же Дания впервые приняла участие в работе Совбеза в 1953–1954 гг., она выступала со сдержанной позицией, не допуская резких оценок и выпадов в отношении какой-либо из сверхдержав. Решение все-таки участвовать в сессии Совета Безопасности было связано с принятием 3 ноября 1950 г. Резолюции ООН “Единство в пользу мира”, позволявшей Генеральной Ассамблее принимать рекомендации относительно коллективных мер по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, в случае если Совет Безопасности не мог выполнить свои обязанности в силу разногласий постоянных членов и применения

² Подробнее см.: Kjersgaard C.N. *Korea-krigen (1950–1953)*. Available at: <https://danmarkshistorien.dk/leksikon-og-kilder/vis/materiale/korea-krigen-1950-53/> (accessed 16.04.2021).

право вето. В Генеральной Ассамблее ООН Дания воздерживалась при голосовании по вопросам, где сталкивались интересы сверхдержав.

В обстановке холодной войны датские политики использовали участие в миссиях и операциях ООН в том числе для выполнения страной союзнического долга в отношении партнеров по НАТО, не вызывая при этом негативной реакции со стороны СССР. Основную часть наблюдательной миссии ОНВУП до 1953 г. составляли офицеры вооруженных сил США и Франции, а первая операция по поддержанию мира ЧВС ООН I была разработана и санкционирована для того, чтобы помочь Франции и Великобритании вывести вооруженные силы из Египта без угрозы для их международной репутации. Похожим образом Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК) были созданы в 1964 г. для оказания поддержки Великобритании в урегулировании конфликта, после того как попытка британских политиков организовать миссию НАТО со сходной задачей провалилась³. Таким образом, вступление Дании в НАТО наложило отпечаток и на стратегические соображения, которыми руководствовались датские политики при принятии решений об участии страны в миссиях и операциях ООН.

В то же время три из четырех так называемых старых политических партий Дании, кроме Радикальной Венстре, – партия Венстре, Социал-демократическая партия и Консервативная партия – признали, что ООН не может выступать гарантией безопасности страны. Поэтому с различной степенью энтузиазма партии выступали за подписание Североатлантического договора в апреле 1949 г. Вместе с тем стоит отметить, что участие в НАТО как приоритета датской безопасности рассматривалось в качестве временной меры – пока система ООН по обеспечению безопасности не стала полностью функциональной, национальную безопасность Дании гарантировало бы НАТО.

В период холодной войны основу внешнеполитической идентичности Дании на международной арене составляли усилия по отстаиванию принципов мирного разрешения споров и верховенства международного права, что показывает преемственность с курсом, проводимым Копенгагеном в межвоенный период. Тогда страна была активным участником Лиги наций, выступая за разоружение, мирное урегулирование конфликтов и ведущую роль международного права. Деятельность в рамках ООН прекрасно вписывалась в рамки этой внешнеполитической идентичности, однако роль подобных мотивов не стоит преувеличивать. Степень поддержки в отношении ООН со стороны Дании зависела и от соображений национальной безопасности. В 1951 г. это государство выступило с предложением выделить для нужд ООН отдельный батальон, но позднее от данного проекта отказались, так как сочли, что он снизил бы обороноспособность страны.

Участие Дании в операциях ООН в период биполярности было в целом успешным и способствовало повышению статуса этого государства. В представлении датских политических кругов, активное участие в ООН в период холодной войны также способствовало решению ряда задач в области безопасности: выполнению союзнического долга страны в НАТО и улучшению двусторонних отношений с ключевыми участниками альянса; снижению риска полномасштабного столкновения сверхдержав; обеспечению стабильных отношений с Москвой. Миротворчество в рамках ООН также стало частью внешнеполитической стратегии Дании. Оно позволяло продвигать мирное разрешение споров и укреплять принцип верховенства международного права. Рядовые датчане воспринимали поддержку ООН в качестве естественной и не подвергали ее сомнению. Более того, они считали, что, участвуя в миротворческих операциях, Дания исполняет свой долг, и это вызывало у большинства населения чувство гордости. Можно утверждать, что миротворчество ООН в определенной степени стало частью датской национальной идентичности.

В совокупности, к концу холодной войны четыре североевропейских государства (Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия) приняли участие в 11 из 13 операций,

³ Подробнее см.: Kjærsgaard K. *Danmark i FN (1945–1965)*. Available at: <https://danmarkshistorien.dk/leksikon-og-kilder/vis/materiale/danmark-og-fn-1945-1965/> (accessed 16.04.2021).

проведенных ООН во время холодной войны, и предоставили примерно 125 000 тыс. военнослужащих или 25% всего военного персонала, участвовавшего в международных операциях под эгидой ООН. На Данию, в частности, пришлось 34 100 военнослужащих, что составляет почти 8% совокупного военного персонала (419 100 человек) операций ООН периода холодной войны [6]. В среднем в этот период почти 811 датских военнослужащих непрерывно находились на операциях и миссиях ООН за границей, что в расчете на душу населения делало страну одним из крупнейших поставщиков контингентов для операций ООН. Именно к “североевропейской” модели миротворчества обратились Великобритания, США и Западноевропейский союз, когда среди политиков этих стран в начале 1990-х годов возрос интерес к миротворческой деятельности.

В период 1989–1993 гг. страны Северной Европы активно поддерживали усиление роли ООН как поставщика международной безопасности и основного организатора миротворческих операций. Высокий уровень поддержки ООН с их стороны объяснялся, с одной стороны, преемственностью подходов времен холодной войны, с другой – изменившимися взглядами на концепцию безопасности. В общеевропейском плане в понимании безопасности акцент все больше начал смещаться на развитие новых небоевых задач вооруженных сил, а также на участие вооруженных сил в международных военных операциях. Такие операции, по крайней мере, на официальном уровне, обосновывались соображениями региональной и международной безопасности и только косвенно были связаны с традиционными трактовками национальной обороны, подразумевавшими защиту исключительно самой территории страны. Характерно в этом отношении высказывание министра иностранных дел Дании Уффе Эллеманна-Энсена в связи принятием Фолькетингом в феврале 1992 г. решения об участии датских миротворцев в операции СООНО в Хорватии: “Оборона Дании не ограничивается городом Крусо. Война на Балканах не какая-то далекая от нас война, и вообще говоря, никогда не было так, что национальная безопасность Дании касалась обороны исключительно территории Дании”⁴.

Новые доктрины и стратегии, принимаемые НАТО и Европейским союзом, членом которого Дания стала в 1973 г., а также ООН, обосновывали применение вооруженных сил за пределами национальных территорий государств-членов для обеспечения европейской безопасности. Еще в начале 1990-х годов ООН представлялась датским политикам идеальной структурой, в рамках которой можно было на практике реализовать концепцию “активного интернационализма”, основанную на успешном опыте миротворчества в период холодной войны. На это указывает и то, что около 8 тыс. датских военнослужащих приняли участие в двух фазах миссии Сил ООН по охране в 1992–1995 гг., более тысячи датских военнослужащих также были включены в состав миротворческого контингента Операции Организации ООН по восстановлению доверия в Хорватии в 1993–1996 гг. и, наконец, около 500 датских миротворцев участвовали в операции Сил превентивного развертывания ООН на территории Македонии в 1995–1999 гг. Таким образом, Дания была представлена на всех этапах участия ООН в урегулировании балканских кризисов.

Однако уже с середины 1990-х годов развитые государства существенно сократили свои контингенты, участвующие в операциях по поддержанию мира в рамках ООН. Причиной подобных мер стал масштабный кризис миротворческой деятельности этой организации, который возник в связи с резким изменением условий миротворчества. В частности, по сравнению с периодом холодной войны, когда преобладали межгосударственные конфликты, в указанный период выросло число внутригосударственных конфликтов (в основном, гражданских войн). Кроме того, возникла необходимость решения невоенных задач “миростроительства”, таких как контроль за проведением выборов, осуществление реформ полиции и органов государственного управления и обеспечение оказания гуманитарной помощи населению [7]. Произошло расширение масштабов деятельности организации. С 1988 по 1993 г. Совет Безопасности принял резолюции о проведении 20 операций по поддержанию мира – больше, чем за весь период холодной войны. Количество участвующих контингентов возросло

⁴ Подробнее см.: Lidegaard B. *Danmark i krig* (1991–2011). Available at: <http://danmarkshistorien.dk/leksikon-og-kilder/vis/materiale/danmark-i-krig-1991-2011/> (accessed 16.04.2021).

с 13 тыс. в 1988 г. до беспрецедентных 79 тыс. в 1993 г. Одновременно с этим возросло число стран, поставляющих контингенты для операций ООН. Если к концу 1988 г. в операциях ООН приняли участие контингенты из 56 стран, то за период 1990-х годов к ним добавилось еще 67 новых стран, а к апрелю 2006 г. число участников достигло 130.

Изменилась и конечная цель миротворческих операций — теперь перед миротворцами ставилась задача не столько обеспечить поддержание уже существующего мира, сколько добиться прекращения военного противостояния. Операции с участием миротворческих контингентов, вооруженных легким стрелковым оружием и использующих силу только как средство самообороны, привели к ряду крупных провалов. Их следствием стала потеря доверия со стороны государств Запада к способности ООН проводить операции, где требовалось применение силы вне рамок самообороны. Количество миротворческих контингентов стало снижаться: к 1997 г. число миротворцев ООН упало до уровня ниже 15 тыс. человек.

Уже было отмечено, что государства Северной Европы в период 1989–1993 гг. поддержали возросшую роль ООН в международном конфликтном урегулировании – к примеру, Дания отправила наибольшее количество миротворцев в расчете на душу населения для миссии ООН СООНО (Силы Организации Объединенных Наций по охране) в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Кроме того, Дания развернула в Боснии и Герцеговине танковый эскадрон как часть совместного механизированного батальона *NORDBAT 2*, куда вошли также Норвегия, Швеция и Польша.

Дания, таким образом, стала первой страной, которая применила тяжелую боевую технику в ходе миротворческой операции, что вызвало критику, так как многие сочли усиление вооружения миротворческих контингентов шагом в сторону эскалации. Тем не менее датское правительство настояло на том, что миротворцам было необходимо обеспечить достаточную защиту. В ходе миссии ООН 29 апреля 1994 г. датский танковый эскадрон попал в сербскую засаду у города Тузла в Боснии и Герцеговине. В ходе короткого вооруженного столкновения, ставшего известным как *Operationen Bøllebanken*, датчане смогли без потерь нейтрализовать сербскую позицию, а среди сербских военнослужащих потери составили по разным оценкам 150 военнослужащих⁵. Это событие способствовало повышению репутации вооруженных сил Дании как в самой стране, так и за рубежом, среди ее союзников. Во многом данный инцидент стал водоразделом в развитии подходов датчан к проведению международных операций. Крупные провалы миротворческих сил ООН, в частности, события в Сребренице и геноцид в Руанде, нанесли значительный удар по репутации Организации Объединенных Наций. Как вспоминал один из высокопоставленных датских офицеров в 2017 г., “высшие чины датских вооруженных сил начали терять веру в ООН как в надежную организацию для проведения миротворческих операций после Сребреницы” [8].

Во-первых, неудачный опыт участия Дании в СООНО поставил под сомнение ценность миротворческих операций ООН как инструмента внешней политики страны. С точки зрения национальных интересов и запросов союзников Дании, более ценным становилось участие в операциях ЕС и НАТО на Балканах, чем в операциях ООН в отдаленных развивающихся странах.

Во-вторых, эффективность операций ООН также подверглась сомнению, чему способствовали два события. В августе–сентябре 1995 г. датские миротворцы попали в перестрелку между сербскими и хорватскими силами, что привело к гибели трех датских военнослужащих, 14 датских солдат получили ранение, а несколько были взяты в плен. Второе важное событие, в определенном смысле подорвавшее авторитет ООН в Дании, произошло 8 августа 1995 г., когда датским миротворцам, наблюдавшим происходившую в хорватском городе Двор резню, было приказано не вмешиваться в происходящее, так как подобное действие сочли противоречащим мандату миссии ООН, предусматривавшему применение вооруженной силы только в целях самообороны.

⁵ Подробнее см.: Lidegaard B. *Danmark i krig* (1991–2011). Available at: <http://danmarkshistorien.dk/leksikon-og-kilder/vis/materiale/danmark-i-krig-1991-2011/> (accessed 16.04.2021).

Наконец, изменились сами модель и принципы датского миротворчества. Эти перемены были связаны с уже упоминавшимся инцидентом в Тузле. Как отмечено выше, решение применить танки в миротворческой операции вызвало критические реакции как в Дании, так и за ее пределами. В самой Дании потребовались серьезные лоббистские усилия со стороны армейских чинов и даже предоставление ложных сведений главнокомандующим вооруженными силами с целью убедить премьер-министра страны Поуля Ньюрупа Расмуссена, что применение танков необходимо для должной защиты миротворческого контингента [9]. Против применения танков также выступали секретариат ООН, командующий миссией ООН в Боснии и посредник ООН по мирному урегулированию в Югославии. Но применение танков, тем не менее, оказалось успешным с тактической точки зрения и стало предметом внимания мировых СМИ. Харизматичный датский командир танкового взвода Ларс Р. Меллер стал кем-то вроде национального героя, а успешный опыт применения силы, который впоследствии был подкреплен миссиями НАТО на Балканах, убедил датских политиков в том, что миротворчество лучше осуществлять контингентами, способными эффективно осуществлять полноценные боевые операции, а не только обеспечивать режим прекращения огня.

Впоследствии Фолькетинг отказался поддержать отправку датских военнослужащих для участия в операции *Provide Comfort* по оказанию гуманитарной помощи курдам на севере Ирака. Дания также отказалась от участия в гуманитарной интервенции в Сомали в 1992 г. и не ответила на обращение ООН о предоставлении контингентов для того, чтобы положить конец геноциду в Руанде в 1994 г.

Стоит отметить, что Операция СООНО повлияла на модель участия Дании в международных операциях в двух основополагающих аспектах:

- 1) после окончания данной миссии Дания стабильно отправляла больше контингентов для операций, не проводившихся под непосредственным руководством ООН;
- 2) после нее руководство страны продемонстрировало гораздо большую, чем ранее, готовность к применению силы, выходящей за рамки самообороны, в рамках миротворческих операций.

На практике это выразилось в том, что Дания предоставила крупные контингенты военнослужащих для участия в миссиях НАТО на Балканах (*IFOR, SFOR, KFOR, OAF*) и выступила за военную интервенцию в Албанию во время председательства страны в ОБСЕ в 1997 г., а также предоставила датскому истребителю разрешение на участие в воздушной операции НАТО в 1999 г. [10]

Кроме того, датская общественность широко поддержала операцию НАТО на территории Югославии во время войны в Косово, даже несмотря на то, что это, в сущности, была первая операция, проводимая НАТО без мандата Совета Безопасности ООН, в которой приняла участие Дания. Большинство датчан также выступало с поддержкой боевой операции с применением сухопутных войск в случае, если действия авиации окажутся малоэффективными или не достигнут цели. Широкая поддержка подобных инициатив со стороны населения стала неожиданностью для датских политиков, в связи с этим Ханс Хеккеруп, будущий глава гражданской миссии ООН, а на тот момент министр обороны страны, рассматривал эту поддержку как свидетельство “прорыва в истории Дании” и того, что ее идентичность во внешней политике претерпела изменения. Как следствие, Дания, как и большинство развитых государств Запада, начала ориентироваться на участие в операциях под мандатом ООН, но проводимых силами НАТО и ЕС (за исключением миссии ООН Эфиопии и Эритреи (2000–2001) и временных сил ООН в Ливане с 1978 по настоящее время) [11].

Заключительным и, пожалуй, наиболее значительным вкладом Дании, Норвегии и Швеции в миротворческую деятельность ООН в рассматриваемый период стала инициатива 15 декабря 1996 г. по созданию Многонациональной постоянной бригады высокой готовности для операций ООН *SHIRBRIG*, которая действовала в 2000–2009 гг. и предоставляла контингенты для операций ООН в течение 15–30 дней на период до шести месяцев. Главным образом бригада была вовлечена в миротворческую

деятельность ООН на африканском континенте. Эту инициативу стоит рассматривать как попытку Дании реформировать и адаптировать миротворческую модель ООН к новым условиям и предоставить в распоряжении организации “надежный, доступный и быстро развертываемый” миротворческий контингент [12].

Таким образом, в 1990-х годах проявились два фактора, которые в совокупности привели к тому, что модель миротворческих операций, успешно применявшаяся североевропейскими странами во время холодной войны, перестала быть эффективной. Первый фактор заключался в том, что постоянные члены Совета Безопасности ООН и другие государства ООН стали активнее предоставлять контингенты для миротворческих операций, то есть число государств-миротворцев существенно расширилось, что не позволило странам Северной Европы сохранить свой прежний статус основных стран-поставщиков миротворческих контингентов и “образцовых миротворцев” [13]. Вторым фактором стало то, что участники конфликтов все меньше воспринимали ООН как непредвзятого посредника в процессе урегулирования, что вело к необходимости создания контингентов, способных применять силу вне рамок самообороны, так как полноценно обеспечить соблюдение режима прекращения огня становилось почти невозможно [14].

В этом контексте на фоне других стран Северной Европы Дания относительно быстрее и активнее стала применять вооруженные силы в международных операциях. В то время как датские танки уже в 1993 г. приняли участие в операции в Боснии и Герцеговине, другие североевропейские государства данную позицию не приняли, считая, что подобные операции должны проводиться только мировыми державами, обладающими соответствующими военными потенциалами [15]. В 1995 г., однако, эта позиция претерпела изменения, когда миссия СООНО передала обязанности по контролю над выполнением Дейтонских соглашений в Боснии и Герцеговине НАТО. Финляндия, Норвегия и Швеция отправили контингенты в рамках миссии НАТО в Боснии, хотя контингенты Финляндии и Швеции не получили разрешения на участие в наступательных операциях, а у норвежских сил на тот момент отсутствовали необходимые технические и организационные ресурсы [16]. К концу 1990-х годов все четыре североевропейские страны создали новые модернизированные боеспособные контингенты для участия в международных операциях. Однако Финляндия и Швеция неохотно принимали участие там, где предусматривалось проведение наступательных операций, то есть эти страны сохранили большую преемственность с периодом холодной войны.

В свою очередь, участие Норвегии в операции “Несокрушимая свобода” в Афганистане, где страна предоставила истребители *F-16* и подразделения специального назначения, привело к значительному осуждению со стороны населения [17]. В Дании, напротив, вмешательство страны в операции НАТО в Косово и Афганистане получило поддержку как среди политиков, так и в обществе. Расхождение проявилось и различной расстановке приоритетов странами Северной Европы в сфере международной медиации и мирного урегулирования конфликтов, хотя в структуре министерств иностранных дел Норвегии, Швеции и Финляндии сохраняются департаменты по мирному урегулированию и медиации. В то время как Норвегия и Швеция традиционно уделяют больше внимания проведению и поддержке официальных мирных переговоров, Финляндия предпочитает осуществлять медиацию через сеть неправительственных организаций, среди которых особое место занимает Инициатива кризисного урегулирования – Фонд мира им. Мартти Ахтисаари. В случае Дании усилия по организации диалога между конфликтующими сторонами интегрированы с более общей стратегией оказания официальной помощи развитию и деятельностью конкретных посольств [18].

Среди датских аналитиков-международников, в частности в рамках Датского института международных исследований, сложилось устойчивое представление о том, что провалы миротворческой деятельности ООН в 1990-х годах оттолкнули государства Северной Европы от участия в операциях под эгидой этой организации. Но проблема заключается в том, что нынешние операции, в мандате которых предоставляется “больше свободы для применения силы, противоречат тому, что сделало миротворчество в рамках ООН привлекательным для стран Северной Европы во время холодной войны,

а именно: его мирный, нейтральный и ненасильственный подход к урегулированию конфликтов” [8]. Поддержка операций ООН сменяющимися датскими правительствами, начиная с 1948 г., мотивировалась меняющейся комбинацией дополняющих и усиливающих друг друга обстоятельств, таких как национальные интересы, гуманитарная дипломатия и внешнеполитическая идентичность.

Стоит также добавить, что ярко выраженный атлантический вектор во внешней политике Дании и ориентация на НАТО и США в области проведения международных операций были обусловлены не только кризисом миротворческой деятельности ООН и стремлением реабилитироваться после периода “политики оговорок” (дат. *fodnotepolitik*) в 1982–1988 гг. [19], но и наличием “оборонной оговорки” (дат. *forsvarsforbehold*), согласованной в декабре 1992 г. в Эдинбургском протоколе к Маастрихтскому договору, которая ограничивала участие страны в военном измерении ОВПБ ЕС и позднее ОПБО ЕС. На настоящий момент эта оговорка продолжает действовать, в силу чего Дания оказывается за пределами инициатив ЕС по достижению стратегической автономии. Так, наряду с Мальтой, она остается вне Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны PESCO, учрежденного 17 декабря 2017 г. Тем не менее Дания полноценно пользуется программами Европейского оборонного фонда, так как рассматривает эту интеграционную инициативу как экономический инструмент углубления единого внутреннего рынка ЕС и сохранения конкурентоспособности датских компаний в сфере оборонной промышленности. Отстраненность Копенгагена от оборонной интеграции в рамках ЕС и отказ от членства в Западноевропейском союзе также способствовали переносу концепции “активного интернационализма” в организационные рамки НАТО и международных коалиционных операций *ad hoc*.

Таким образом, участие Дании в операциях и миссиях ООН в период холодной войны позволяло ей косвенно поддерживать союзников по НАТО, не вызывая слишком негативной реакции у СССР. Кроме того, операции ООН рассматривались как эффективный и не слишком обременительный способ продвижения международного мира и безопасности, то есть позволяли одновременно продвигать как национальные интересы, так и ценности либерального миропорядка. В 1960-е годы поддержка миротворчества ООН среди датских политиков возросла, а само миротворчество воспринималось как эффективный инструмент увеличения международного престижа и статуса Дании как малого европейского государства. Упадок значения миротворчества ООН во внешней политике Дании начался, когда ООН передала фактическое исполнение миротворческих операций на Балканах НАТО в 1995 г. Таким образом, в глазах датских политиков участие в коалиционных операциях и операциях НАТО стало приносить больше престижа и международного влияния, нежели участие в операциях ООН, которые стремительно теряли былую значимость и эффективность. Следствием рассматриваемого периода стала большая готовность Дании к применению вооруженной силы как одного из инструментов внешней политики [20] и размывание ценностной составляющей участия страны в миротворческих операциях ООН, которое теперь служит прагматичным целям углубления отношений с ключевыми союзниками и обоснования заявок на получение места непостоянного члена Совета Безопасности ООН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Petersen N. Europæisk og globalt engagement, 1973–2006. *Dansk udenrigspolitikshistorie*. Gyldendals Forlag, Bind 6, 2004. 662 s. [Petersen N. European and Global Engagement, 1973–2006. *The History of Danish Foreign Policy*. Gyldendals Forlag, Bind 6, 2004. 662 p. (In Dan.)]
2. Henriksen A., Ringsmose J. *Hvad fik Danmark ud af det? Irak, Afghanistan og forholdet til Washington. DIIS Report 2011:14*. 42 s. [Henriksen A., Ringsmose J. *What Has Denmark Gained From It? Iraq, Afghanistan and Relations with Washington. DIIS Report 2011:14*. 42 p. (In Dan.)] Available at: https://www.diis.dk/files/media/publications/import/extra/rp2011-14-hvad-fik-danmark_web_1.pdf (accessed 16.04.2021).
3. Mouritzen H. Denmark's Super Atlanticism. *Journal of Transatlantic Studies*, 2007, vol. 5, no. 2, pp. 155-167. DOI: 10.1080/14794019908656861
4. Olesen M.R., Nordby J.R. The Middle Eastern Decade: Denmark and Military Interventions. *Alike or Different: Scandinavian Approaches to Military Interventions*. Santérus Academic Press, 2014, pp. 62-102.

5. Jakobsen P.V., Kjærsgaard K. Den danske FN-aktivismes storhed og fald (1945–2016). *Politica*, 2017, vol. 49, no. 4, pp. 377–400. [Jakobsen P.V., Kjærsgaard K. The Success and Downfall of the Danish Activism within the UN (1945–2016). *Politica*, 2017, vol. 49, no. 4, pp. 377–400. (In Dan.)] Available at: https://politica.dk/fileadmin/politica/Dokumenter/politica_49_4/jakobsen_og_kjaersgaard.pdf, (accessed 16.04.2021).
6. Jakobsen P.V. Denmark and UN Peacekeeping: Glorious Past, Dim Future. *International Peacekeeping*, 2016, vol. 23, no. 5, pp. 1–21. DOI: 10.1080/13533312.2016.1227933
7. Загорский А.В. Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. Москва, ИМЭМО РАН, 2015. 117 с. [Zagorskii A.V. *International Peace Operations and Regional Security Governance*. Moscow, IMEMO, 2015. 118 p. (In Russ.)]
8. Nissen C., Albrecht P. To UN or not to UN. The Question of Nordic UN Peacekeeping. *Danish Institute of International Studies Policy Brief*, 13.11.2018. 4 p. Available at: <https://www.diis.dk/en/research/to-un-or-not-to-un> (accessed 16.04.2021).
9. Mariager R.M., Wivel A. *Hvorfor gik Danmark i krig? Uvildig udredning af baggrunden for Danmarks militære engagement i Kosovo, Afghanistan og Irak*. København, København Universitet, 2019. 401 s. [Mariager R.M., Wivel A. *Why Did Denmark Go to War? The Thorough Examination of the Background for Denmark's Military Participation in Kosovo, Afghanistan and Iraq*. Copenhagen, University of Copenhagen, 2019, 401 p. (In Dan.)]
10. Белухин Н.Е. Достучаться до Белого дома... Дания в трансатлантических отношениях. Российский совет по международным делам. 13.08.2020. [Belukhin N.E. *Reaching for the White House... Denmark in Transatlantic Relations*. Russian International Affairs Council. 13.08.2020. (In Russ.)] Available at: https://russiancouncil.ru/blogs/nikita-belukhin/35209/?sphrase_id=84699430 (accessed 16.04.2021).
11. Kertcher C. From Cold War to a System of Peacekeeping Operations: The Discussions on Peacekeeping Operations in the UN During the 1980s up to 1992. *Journal of Contemporary History*, 2012, vol. 47, no. 3, pp. 611–637. DOI: 10.1177/0022009412441653
12. Koops J., Varwick J. Ten Years of SHIRBRIG Lessons Learned, Development Prospects and Strategic Opportunities for Germany. *Global Public Policy Institute Research Paper Series*, 2008, no. 11. 38 p.
13. Andersson A. The Nordic Peace Support Operations Record (1991–1999). *International Peacekeeping*, 2007, vol. 14, no. 4, pp. 476–492. DOI: 10.1080/13533310701427769
14. Pedersen R.B. Tilkoblings- og afkoblingsstrategier i dansk udenrigspolitik. Udvikling og tendenser i de danske udenrigspolitiske doktriner. *Politik*, 2015, vol. 18, no. 4, pp. 37–45. [Pedersen R.B. Engagement and Disengagement Strategies in Denmark's Foreign Policy. Development and Tendencies in Danish Foreign Policy Doctrines. *Politik*, 2015, vol. 18, no. 4, pp. 37–45. (In Dan.)] DOI: 10.7146/politik.v18i4.27626
15. Jakobsen P.V. Still Punching Above Their Weight? Nordic Cooperation in Peace Operations after the Cold War. *International Peacekeeping*, 2007, vol. 4, no. 4, pp. 458–475. DOI: 10.1080/13533310701427751
16. Jakobsen P.V. The Nordic Peacekeeping Model: Rise, Fall, Resurgence? *International Peacekeeping*, 2006, vol. 13, no. 3, pp. 381–395. DOI: 10.1080/13533310600824082
17. Pedersen R.B. Bandwagon for Status: Changing Patterns in the Nordic States Status-Seeking Strategies? *International Peacekeeping*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 1–25. DOI: 10.1080/13533312.2017.1394792
18. Hagemann A., Bramsen I. New Nordic Peace – Nordic Peace and Conflict Resolution Efforts. *Nordic Council of Ministers, TemaNord*, 2019, no. 529. 56 p. Available at: https://curis.ku.dk/ws/files/216921655/Hagemann_and_Bramsen_2019_New_Nordic_Peace.pdf (accessed 16.04.2021)
19. Petersen N. "Footnoting" as a Political Instrument: Denmark's NATO Policy in the 1980s. *Cold War History*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 295–317. DOI: 10.1080/14682745.2011.558176
20. Daugbjerg M., Sørensen B.R. Becoming a Warring Nation: the Danish "Military Moment" and Its Repercussions. *Critical Military Studies*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 1–6. DOI: 10.1080/23337486.2016.1231994

THE ROLE OF THE UN PEACEMAKING OPERATIONS IN THE FOREIGN POLICY OF DENMARK IN THE 1990S: FROM AN EXEMPLARY PEACEMAKER TO AN ARDENT ATLANTICIST

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2021, no. 3, pp. 41–50)

Received 27.08.2021.

Accepted 29.09.2021.

*Nikita E. BELUKHIN (belukhin.n.e@my.mgimo.ru), ORCID:0000-0001-7505-2356,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

Under the Cold War Denmark successfully employed the UN peacemaking operations to increase its own international status and strengthen relations with the key Western allies. The Nordic model of peacemaking was later considered as an example to be followed by other

European states in the 1990s. As the role of the UN gradually declined during the 1990s and the UN peacemaking operations led to major failures, most notably the Srebrenica massacre and the Rwandan genocide, NATO, as well as the EU, started expanding their own activities in the sphere of peacemaking and peace enforcement. As a consequence, Denmark stopped considering the UN peacemaking as the main framework for international activism and started getting increasingly engaged in coalition operations and NATO operations as a means to win the favor of the key ally — the USA. Another factor that significantly contributed to Denmark's growing atlanticism was the so-called "defense clause" which prevented Denmark from participating in the military dimension of the emerging CFSP within the EU and later CSDP. The Danish international activism acquired therefore a tangible military element which on the one hand enabled Denmark to punch above its weight, but at the same time became contradictory to the very ideas and goals which made international activism attractive for the Danish public in the first place. The initial value- and identity-driven UN peacemaking eventually became reduced to a means of accomplishing limited goals of status-seeking and ensuring the country's place as a non-permanent member of the Security Council. It is thus becoming increasingly difficult for Denmark to reconcile the adherence to humanitarian diplomacy and Nordic "Peace Brand" with aggressive military activism.

Keywords: UN, OSCE, Denmark, USSR, US, peacemaking operations, NATO, Srebrenica, Kosovo, Balkan crises, atlanticism, strategic culture.

About the author:

Nikita E. BELUKHIN, PhD Student, Junior Researcher, Department of European Political Studies, Section of Regional Issues and Conflicts.

DOI: 10.20542/afij-2021-3-41-50